

КОНФЕРЕНЦИЯ: «ЛАТВИЯ И РОССИЯ В ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ В XXI ВЕКЕ. КТО МЫ:
ДРУЗЬЯ, ВРАГИ ИЛИ ПАРТНЁРЫ».
Июнь 2000г., Юрмала, Латвия.

Диманис Сергей (Латвия) – бывший лидер партии «Равноправие», Латвийская Республика.

ЛАТВИЙСКО–РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Латвия очень хочет в ЕС. И это желание определяет основной алгоритм ее экономических отношений с Россией.

Конечно, стремление в ЕС можно рассматривать как светлое будущее, как свет в конце туннеля, как панацею и, возможно, как альтернативу нынешнему развитию. Однако здесь встает очень важный вопрос: сколько это будет стоить, и кто за это будет платить? Дело в том, что путь такой страны как Латвия в ЕС, несколько отличается, скажем, от пути тех стран бывшего ОВД, которые уже вошли в ЕС, поскольку Латвия перебирается из одного экономического пространства в другое.

Вступая в Европейский союз, Латвия должна иметь при себе не только какие-то нормативные акты, которые соответствуют европейским стандартам, она должна вообще с чем-то прийти, чисто экономически. Она должна прийти хотя бы с каким-то рынком, который предъявляет платежеспособный спрос. Понятно, что Латвия готова заплатить за свое членство в ЕС любую цену. Поэтому здесь принципиально никто ничего не считает, и я тоже не могу эту цену назвать. Но я могу сказать, что получается от этого желания.

Небольшое отступление. Латвию в российское экономическое пространство занесло в силу географического положения и волей исторической судьбы. Я не имею в виду лишь советское время. Все началось гораздо раньше. Если мы очень хотели бы проанализировать вообще понятие экономического пространства, то могли бы начать от пути из варягов в греки. Границы этого пространства довольно четко определены. Ну, там большие океаны и высокие горы, однако здесь, если говорить о российском экономическом пространстве, на западе в черте Прибалтики все время какое-то движение. Здесь очень изменчивые экономические ориентиры, приоритеты и так далее. Возьмем хотя бы начало века. Латышский предприниматель был просто в восторге от имевшихся возможностей на Востоке. Сейчас вектор общественных настроений повернулся на 180 градусов. Однако, чтобы вслед за этим перевернуть экономику, повторяю, необходимо очень сильно постараться и очень дорого заплатить.

Попытаемся рассмотреть некоторые источники таких возможных платежей за участие в ЕС. Первое это, скажем, самое простое – частная продажа социалистического наследия. Этот источник уже себя исчерпал где-то в середине 90-х годов, но полученные деньги были довольно слабо капитализированы. В какой-то степени это стало личным богатством, в какой-то степени эти деньги играют на западных биржах, в том числе интересно, что по балансу портфельных инвестиций Латвия больше вывозит, чем ввозит. По крайней мере, это не тот источник, на который можно в данном случае опереться.

Далее. Скажем, государственная продажа социалистического наследия. Она не принесла ожидаемого результата. Можно было отоваривать сертификаты. Я только что выяснил, звонил прямо в агентство приватизации, за время работы агентства приватизации, то есть когда процесс приватизации приобрел некоторую упорядоченность, заработано 330 миллионов долларов. То есть – это где-то начиная с 1994 года, до этого приватизация шла через пень колоду и больше была похожа на воровство. Таким образом, мы видим, что и это не является серьезным финансовым источником.

Кроме того, эти деньги, попав в Фонд приватизации, каким-то образом разбазарились, хотя они были предусмотрены именно для того, чтобы дать финансовую основу развития мелкого и среднего национального бизнеса. К концу года и этот источник иссякнет, и мы видим, что вроде бы уже все продали, а воз, в сущности, и ныне там.

Рассмотрим еще один источник – прямые иностранные инвестиции. Они крайне незначительны для столь глобальной и серьезной задачи. Прямые инвестиции за все

это время составили порядка 1 млрд. 884 млн. долл. В 1999 году 350 млн. долл. – прямые иностранные инвестиции. На эти деньги экономику не поднять.

Еще возможен доход от продажи такого специфического товара, как продажа своего географического положения, то есть своеобразный стратегический товар. Продавать можно и такой товар, если только это не превращается в единственный доход. Есть здесь и еще одна опасность. Часто возникает соблазн, вместо этого стратегического товара продать чисто конъюнктурный – плохие отношения с Россией. Такое мы видим, иногда бывает. И продавая этот конъюнктурный товар, мы удешевляем стратегический, то есть свое географическое положение, которое может принести определенный деньги.

Что дает, скажем, это географическое положение, что оно определяет? Во-первых, оно определяет вложения в инфраструктуру и в сферу услуг. Примерно 80% той суммы, которую я назвал, имеются в виду прямые иностранные инвестиции, идет именно в эту сферу – в инфраструктуру и в сферу услуг. Эта сфера создает определенные возможности для последующего вложения иностранных средств, в том числе в обрабатывающую промышленность. Дело в том, что в Латвии, когда соотносят эффект от инвестиции с риском, с чисто экономическим риском, то Латвия чуть ли не на последнем месте в перечне стран и даже ниже России, где, конечно, риска больше, но и эффекта больше. Поэтому эти вложения в инфраструктуру и сферу услуг, они просто создают возможность удобно жить тем, кто зарабатывает хоть какие-то деньги здесь или где-то за пределами республики. Так что превратятся ли эти условия в серьезные иностранные инвестиции, чтобы подтянуть именно экономику, а не нормативную базу к ЕС, это еще очень большой вопрос.

В то же время географическое положение определяет сальдо услуг по транзиту. Да, это действительно довольно неплохая сумма. Она составляет в год примерно 350 млн. долл. Это все очень хорошо, но пока недостаточно.

Кроме того, в качестве источников имеются льготные или безвозвратные кредиты финансирования через различные фонды. В какой-то степени – это политика, это плата за развал СССР, которую осуществляет Западная Европа по отношению к нам. Здесь довольно сложно определить конкретные цифровые параметры. Все идет в национальных счетах. Но, я думаю, 150 млн. долл. в год мы можем получить. Таким образом, если мы посмотрим по движению этих средств, то пока их хватает. То есть еще раз могу подтвердить, что без серьезных капиталовложений мы можем хотеть в Европейский союз, но этого будет недостаточно.

Конечно, есть и какое-то внутреннее накопление. Чтобы разобраться в этом внутреннем накоплении, я попытался несколько иначе рассмотреть структуру нашей экономики. Она весьма необычна. Ну, возьмем, скажем, первый блок. Это адаптационная экономика, то есть та, которая возникает на основе естественного стремления человека выжить. Я еще ее называю экономикой фотосинтеза. Она возникает как-то сама по себе на фоне солнечного света. Вдруг что-то зазеленело, потом пожелтело, потом опало, зазеленело в другом месте и так далее.

В частности, уже ослабевает довольно серьезная национальная структура торговли, благодаря широкому притоку скандинавского капитала в сферу розничной торговли. И сейчас мы теряем эту небольшую, но дающую работу сферу национальной экономики. Конечно, потребителю все равно, где покупать свои товары, но, на мой взгляд, какие-то элементы национальной экономики, даже в столь примитивной форме, мы должны иметь, они обеспечивают определенную социальную стабильность. Здесь понятно, что это часть экономической структуры не способна к накоплению и путь от лавки до супермаркета для местного резидента, это путь в несколько поколений. Хотя бывают и исключения, но в данном случае они лишь подтверждают правила.

Дальше возьмем экономику инфраструктуры. Экономика инфраструктуры дает серьезные накопления – энергетика, газовое хозяйство и так далее. Сейчас, конечно, в связи с некоторым снижением общего темпа экономического развития, инфраструктура развивается не столь стремительно. Даже произошло определенное сокращение по прошлому году примерно на 5%, если говорить об энергетике, газовом хозяйстве, водоснабжении и так далее. Но они обирают того же самого кустаря, обирают население. Безусловно, здесь возникают определенные накопления и это достаточно существенно. Кроме того, те деньги, которые идут в инфраструктуру, они в большинстве своем проходят государственные или местные бюджеты, фонды, уполномоченные агентства, тендеры и так далее и становятся источниками дохода

конкретных фирм, которые потом превращаются в платежеспособный спрос, создавая определенные основы для развития той же торговли.

Как правило, эти предприятия, хорошо зарабатывающие на потоке денег в инфраструктуру, контролируются местной политической элитой, которая понимает, что эта инфраструктура будет потом приносить деньги только в том случае, если будет срабатывать хотя бы тот же транзит.

Далее посмотрим, что еще у нас тут есть – экономика транзита, экономика услуг. Да, действительно, если мы рассмотрим структуру добавленной стоимости, то где-то примерно 70% общей добавленной стоимости в Латвии дает сфера услуг. Я могу дать соответствующие цифры, но они более менее известны. Может быть, несколько так ретроспективно. Если, скажем, по прошлому году Латвия почти не имела прироста ВВП, однако сфера услуг возросла примерно на 5%, причем торговля – более чем на 10 %, а аренда и недвижимость – эта сфера возросла на 17%. Видите за счет чего.

В то же время товарный сектор экономики сократился примерно на 6,5%, обрабатывающая промышленность на 10%. То есть услуга у нас главный фактор роста валового внутреннего продукта. Итак, мы можем сделать вывод, что внутренние накопления тоже пока недостаточны для того, чтобы вытянуть в Латвию светлое будущее Европейского союза.

Поскольку денег на политэкономическое сальдо у нас нехватает, то создается весьма неприятная ситуация, когда Латвия уже как бы ушла с Востока и не пришла на Запад. Так сказать, элементарным образом зависла. Оптимальной, конечно, была бы и ситуация «степ бай степ», то есть потихонечку уходим с Востока, приходим на Запад. Но из-за целого ряда причин, которые мы можем обсудить отдельно, этого не происходит. И зависая, мы получаем достаточно серьезные отрицательные последствия. В частности, вся латвийская провинция может быть отнесена к депрессивному району, за исключением некоторых городов, о которых мы знаем, где жизнь и быт часто упрощается до идиотизма деревенской жизни. Я цитирую в данном случае Маркса.

Почему мы не можем, как «степ бай степ», действовать в этом очень серьезном вопросе? Мы довольно резко теряем восточный рынок. Вот возьмем за базу 1997 год. Тогда товарооборот с Россией стабилизировался на уровне 760 млн. долл., где-то 360 млн. нам давало сальдо услуг, которое, конечно же, во многом зависит от экономических отношений с Россией, это порядка 21% общего оборота. Товарооборот со странами ЕС в 1997 году, был примерно 1 млрд. 200 млн. долл. При валовом внутреннем продукте 5 млрд., я думаю, что эта ситуация могла бы быть стабилизированной, мы бы потихонечку двигались в сторону ЕС. Однако в 1998 году товарооборот с Россией упал наполовину. Так вот, экспорт в Россию в 1999 году составил 1/3 по отношению к 1997 и 1/2 по отношению к 1998 году.

То есть в настоящее время по прошлому году общий товарооборот с Россией составил порядка 9% общего товарооборота. Получается: по экспорту – 6,6%; по импорту – 10,5%. Сейчас он еще более снизился по показателям на начало 2000 года. Импорт не в той степени упал, как экспорт, всего лишь на 25%. Это в основном связано с тем, что мы наблюдаем в структуре энергоносителей, которые необходимы в любом случае. Я не думаю, что сократится объем реэкспорта, который по некоторым данным составляет около 20% латвийского экспорта.

В какой степени удалось компенсировать это снижение за счет искомого движения на Запад? Но, к сожалению, эта компенсация имеет потолок, то есть она – самоисчерпывающаяся. И пока трудно найти такие стабильные элементы нашего движения на западный рынок, и причины я назвал ранее. Ну, буквально несколько цифр. Итак, рост товарооборота с ЕС. Возьмем экспорт: 1997 год – 790 млн. долл.; 1998 – 1млрд. 26млн.; 1999 – 1млрд. 78 млн. Если возьмем 1999 год по отношению к 1998 году, то мы нарастили экспорт в ЕС на 236 млн. долл.. Все это очень хорошо, но примерно 130 млн. – это продукция деревообработки, прибавим текстиль, реэкспорт, еще кое-что по мелочам, и мы набираем эту сумму.

Если говорить о том же реэкспорте, мы, например, в прошлом году продали в США и Пуэрто-Рико на 75 млн. долл. металлов и металлопродукции. Я тут пытался разобраться в этой цифре, разговаривал с нашими металлургами, действительно, осуществляется реэкспорт, причем с выходом из таможенной зоны. В данном случае он фиксируется Россией как импорт в Латвию и нашей статистикой как латвийский экспорт на Запад. Причем по металлам мы видим постоянный и серьезный рост. Таким

образом, мы можем сделать вывод, что даже теряя определенные позиции на восточном рынке и приобретая их на западных рынках, мы все равно зависим от экономических отношений с Россией. И пока здесь ничего серьезно мы поменять не можем.

Конечно, все это в какой-то степени должно сказаться на таком важном показателе экономического состояния государства, как дефицит текущего счета. Но если мы посмотрим разницу импорта и экспорта в 1999 году, то здесь примерно 1 млрд. 223 млн. долл. дефицит внешнеторгового баланса. Это должно определить и дефицит сальдо текущего счета. Однако если брать 1999 год, то и этот показатель у нас в сущности закрыт даже с определенным плюсом. То есть эта сумма, 1 млрд. 223 млн., компенсируется за счет сальдо услуг – примерно 330 млн. долл. по прошлому году, трансфертами – около 100 млн., прямыми инвестициями – 350 млн. долл. Портфельные инвестиции у нас получились в прошлом году – 180 млн., различного рода кредиты и прочее – примерно 180 млн. долл. В любом случае, мы закрыли сальдо текущего счета в прошлом году с плюсом – 80 млн. долл., несмотря на всю ту очень неблагоприятную ситуацию, которая сложилась во внешней торговле.

Исходя из тех выводов, которые мы хотим сделать сегодня – так все равно жить нельзя. На бумаге все может выглядеть и неплохо. Растет экспорт на Запад. Сальдо текущего счета сводим с плюсом. Но все это эффекты начального этапа. Последующие инвестиции в страну могут закончиться оттоком прибыли из страны. Могут возникнуть определенные проблемы и с иностранными кредитами. Сейчас их где-то примерно 13 % валового внутреннего продукта, это достаточно терпимо, но полностью рассчитывать на этот источник в будущем не приходится.

Завершая краткий ретроспективный анализ, я хочу сказать следующее. Во-первых, не все благополучно на том пути, который мы выбрали для нашей экономики. Во-вторых, жонглируя цифрами, сегодня можно доказать все что угодно. Но если ставить перед собой задачу объективного анализа, который может быть произведен на том же материале, то можно поставить достаточно серьезные цели, которые нужно обязательно выполнить, если мы идем избранным путем. И третий вывод, самый парадоксальный, состоит в том, что путь на Запад ведет через Восток.

Я не думаю, что мы сможем решить свои проблемы со вступлением в ЕС, если мы не поправим свои отношения с Россией, которые должны привести, в том числе, и к совершенно иным торговым отношениям, которые я рассматривал в качестве примеров. Конечно, сегодняшние экономические отношения между Латвией и Россией излишне политизированы. Но я хотел бы, чтобы они приняли нормальную форму деловых экономических отношений, которые единственно могут стать основой в тех положительных процессах, о которых мы сегодня будем говорить.